

УДК 330.341.2

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА ПОСТСОВЕТСКОЙ ЭСТОНИИ В СООТВЕТСТВИИ С ХАРАКТЕРОМ ИЗМЕНЕНИЙ В ЕЁ ЭКОНОМИКЕ

Вайнгорт Владимир Леонтьевич,

д.э.н., член правления Консалтинга «Кардис», г. Таллин

АННОТАЦИЯ

Эстония в силу небольших её размеров, обуславливающих быстроту социально-экономических изменений, может рассматриваться как модель постсоветского развития, в том числе в отношении трансформаций характера труда. Развал советского планово-распределительного хозяйственного механизма 1991–1995 годов разрушил сферу формализованных трудовых отношений, превратив советских ИТР и квалифицированных рабочих в акторов латентной экономики. Следующий этап (1996–2000 гг.) привёл к реиндустриализации экономики в результате приватизации основных фондов за счёт притока инвестиций, технологий и перехода финансовой системы под контроль шведских и финских банков, обеспечивших ипотечное кредитование (под 4–6 % годовых). Около 20 % трудоспособного населения сменили характер труда. Кризис 2010–2011 годов в Эстонии привёл к падению ВВП на 25 % и обусловил вторичную и окончательную деиндустриализацию, а также прекариатизацию возникающего до кризиса среднего класса. После 2016 года эстонское общество развивается в условиях перехода к новой постиндустриальной экономике.

Ключевые слова: этапы постсоветской трансформации труда; переход к постиндустриальной экономике; новое общество в Эстонии.

THE SURVEY OF SOCIETAL TRANSFORMATION OF THE POST-SOVIET ESTONIA IN CONTEXT OF ECONOMIC CHANGES

Vaingort V.L.,

Doctor in Economics, Member of the Board, “Kardis” Consulting, Tallinn

ABSTRACT

Estonia, due to its small size, which determines the speed of social and economic changes, can be considered as a model of post-Soviet development, including in relation to the transformations of the labor's nature. The collapse of the Soviet planning and distribution economic mechanism of 1991–1995 destroyed the sphere of formalized labor relations, turning Soviet engineers and technicians and skilled workers into actors of the latent economy. The next stage (1996–2000) led to the re-industrialization of the economy as a result of the privatization of fixed assets due to the inflow of investments, technologies and the transfer of the financial system to the control of Swedish and Finnish banks that provided mortgage lending (at 4–6% per annum). About 20% of the working-age population changed the nature of work. The crisis of 2010–2011 in Estonia led to a 25% drop in GDP and led to secondary and final deindustrialization, as well as precariatization of the rising middle class before the crisis. After 2016, Estonian society is developing in the conditions of transition to a new post-industrial economy.

Keywords: stages of the post-Soviet transformation of labor; the transition to a post-industrial economy; the new society in Estonia.

За неполных 30 постсоветских лет структура экономики Эстонии претерпела несколько радикальных изменений обеспечивших быстрый рост ВВП на душу населения (показанный на рис. 1).

Эстония к 1991 году была развитой высокоиндустриальной республикой с лучшими по СССР показателями сельскохозяйственного производства.

Общество строилось на эгалитарных принципах и представляло собой советский средний класс с практически равными доходами, но с дифференцированными возможностями потребления по сословному признаку. Высшим сословием являлась номенклатура, а

сословное неравенство нижерасположенного слоя строилось по горизонтальному профессионально-ориентированному признаку, притом что границы между сословиями были легко проницаемы, а между номенклатурой и нижним социальным горизонтом работали доступные социальные лифты.

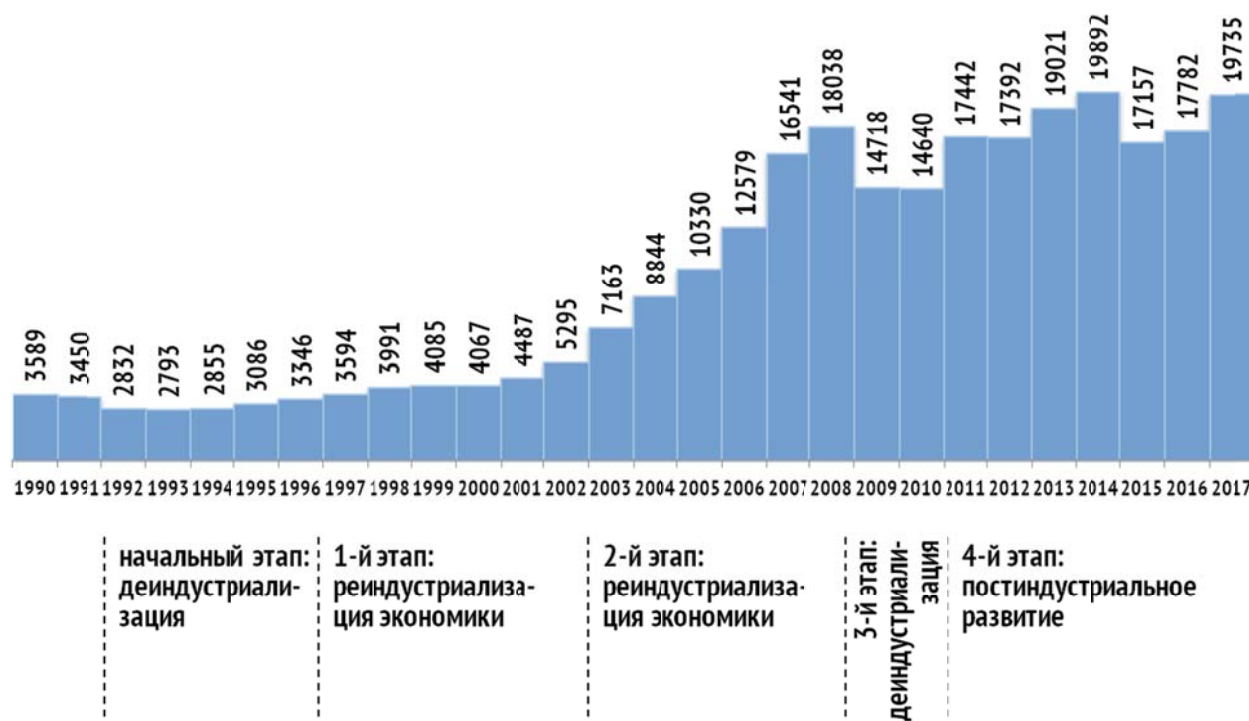

Рисунок 1 – ВВП на душу населения (в \$ США)

Распад единого хозяйственного комплекса в 1991 году обусловил деиндустриализацию экономики Эстонии. В социальной сфере развился процесс, описанный Д. Нортон: «В любом построенном на идеологической основе обществе наступает время разложения формальных правил и нарастает роль латентных отношений, ориентированных на иные ценности» [1]. Структура общества резко упростилась. Переход на собственную денежную систему сделал его равнобедным. Возможности потребления определялись умением осуществлять с прибылью простейшие операции купли-продажи или посредничества в условиях перехода к рыночным отношениям. Самореализация у жителей Эстонии оказалась объективно лучшей, поскольку через неё пошёл транзит цветных и чёрных металлов, угля, удобрений и других материальных потоков из РФ, а также военного имущества застрявших в Эстонии и вынужденных жить в условиях самообеспечения частей советской армии.

Начальный этап трансформации привёл к переструктуризации общества по доходу. Самый высокодоходный слой образовался из советской номенклатуры, высшего управленческого персонала промышленных, строительных и транспортных предприятий, а также торговых сетей пришедших в страну из «старой Европы».

На рис. 2 показана первая трансформация постсоветской структуры эстонского общества (начало «демократического транзита»).

По данным В. Смирнова, «к 1996 г. доля представителей экс-номенклатуры во главе коммерческих предприятий в Литве достигала 40 %» [2]. В политической и экономической элите Эстонии она была выше (до 70 %). Начиная с президента и до муниципальных руководителей. Секретарь ЦК КП Эстонии по идеологии Микк Титма говорил автору настоящей

работы, что главная заслуга последнего руководства компартии Эстонии в том, что номенклатура «съехала с горки спокойно», поскольку в стране не допустили люстрации.

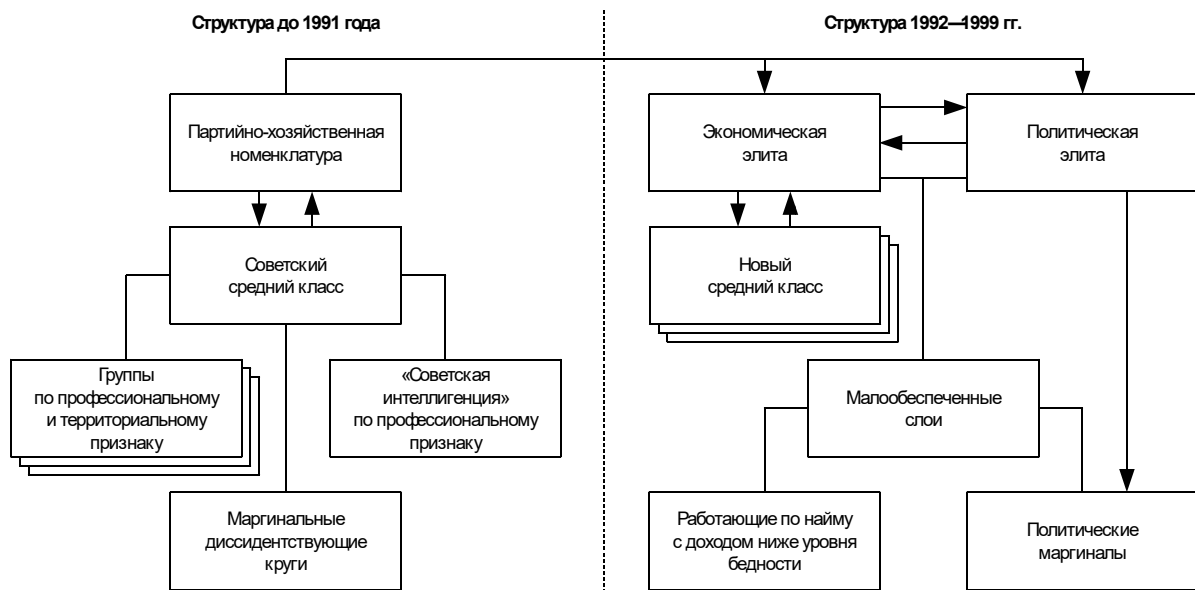

Рисунок 2

В 1997–2002 гг. (первый этап трансформации) на базе приватизации основных фондов и земли, а также дешёвых кредитов шведских и финских банков (захвативших, практически, весь финансовый сектор страны) разворачивается реиндустриализация промышленности на основе импорта технологий, а также иностранных инвестиций в предприятия и торговые сети. В структуре общества продолжается транзит элит и среднего класса. Из экономической элиты вытесняются акционеры и высший управленческий персонал коммерческих структур, получающих доходы в теневой экономике. Отстраиваются демократические институты.

На втором этапе – в 2003–2008 гг. продолжается реиндустриализация и рост строительной отрасли (домостроения) на основе массовой низкопроцентной (4–5 %) ипотеки. Практически исчезает безработица за счёт действия двух факторов: потребности в кадрах строительной отрасли и открытия рынков труда ЕС (после вступления в Евросоюз в 2004 г.). Транзит структуры общества показан на рис. 3.

Структура общества этого периода складывалась под действием трёх факторов:

- романтизации рыночных отношений в условиях снятия любых ограничений на предпринимательство и внешнеэкономическую деятельность;
- дешёвой приватизации основных производственных фондов и земли с приоритетом директорского корпуса и высшего менеджмента предприятий (проводимой немецким приватизационным агентством по методике приватизации в бывшей ГДР);
- свободного доступа к низкопроцентной ипотеке и кредитованию производственной деятельности (получении «лёгких денег» из шведских банков);
- имитационного демократического транзита, когда партии представляли собой, фактически, бизнес-проекты, связанные с экономической элитой.

В Эстонии (в отличие от некоторых других постсоветских государств) не возник слой новой хозяйственно-политической элиты, характерные черты которой вскрыл В. Кувалдин, написавший: «В процессе строительства новых государств постсоветские элиты решают четыре важнейшие для себя (в порядке очередности) задачи: 1) соединение в новых формах

власти и собственности в руках узкого круга лиц; 2) вхождение – на вторых и третьих ролях – в космополитическую элиту глобального мира; 3) создание жизнеспособных государств; 4) строительство демократических институтов. Они формируют постсоветский социум „под себя“, так, как им выгодно и удобно. Это не воспроизводство традиционных структур и отношений советской эпохи, это не движение к либеральной демократии, это не поиск национальных стратегий модернизации, это особый способ организации территориального пространства, политической жизни, экономической деятельности, духовного производства, направленный на закрепление господствующего положения нового слоя властесобственников. (*PPP, it means „power plus property“ in the same hands*)» [3].

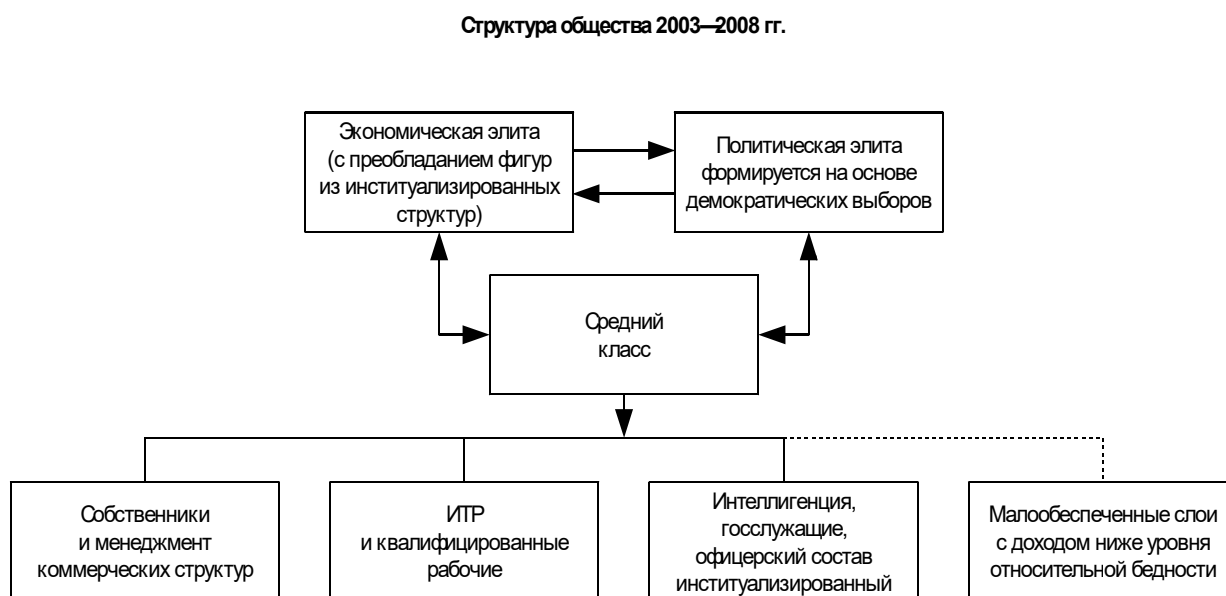

Рисунок 3

В том, что такой двухсоставной элиты не образовалось в Эстонии, решающую роль обусловили три фактора:

1. Значительную роль в переходе от имитационного к демократическому транзиту сыграли учёные, создавшие в конце 1980-х годов программу «хозрасчётной Эстонии» (программа *IME*).

2. Постоянные консультации специалистов соседних стран: Финляндии и Швеции, а также ориентация на их опыт.

3. Абсолютная ликвидация советских «силовых структур».

Рост экономики обусловил полную занятость. Однако потребность в рабочих опережала потребность в специалистах с высшим образованием (предприятия «отвёрточной сборки» и преобладание малых строительных фирм).

Экономический рост 2003–2008 гг. „поднял все лодки“, в том числе благосостояние малообеспеченных слоёв. Снизился теневой сектор, в основном, благодаря отмене подоходного налога на прибыль юридических лиц. Средняя зарплата (в пересчёте на евро) уже в 2001 году становится в 10 раз выше уровня 1992 года (352,15 евро против 35,09 евро). Эстонию называют «Балтийским тигром».

Но настроение в обществе резко меняется в два кризисных года: 2009 и 2010. На этом коротком этапе (при падении ВВП за 2 года на 25 %) растёт доля малообеспеченных слоёв. Безработица доходит до 30 % (поскольку падает также спрос на трудовых рынках всего ЕС). Впервые прекариатизируются малообеспеченные группы населения, а боязнь свалить-

ся в прекариат охватывает нижние слои среднего класса, которые охватывает ресентимент. Разразилась вторая деиндустриализация, которая – увы – не привела к очередной реиндустриализации, поскольку достигнутый докризисный рост зарплат и отток специалистов в годы падения экономики не стимулировали инвесторов для открытия в Эстонии производств. Тем более, по политическим мотивом страна утратила транзитную роль между Россией и странами Северной Европы и возможность выхода на российский рынок.

Рост экономики с 2011 года и по настоящее время обеспечивали услуги (составляющие до 70 % ВВП). Модификация структуры экономики показана в табл. 1.

Таблица 1

Структура экономики Эстонии, в %, 1990–2016 гг.

Отрасль	1990	2000	2010	2016
Сельское хозяйство	15,7	4,8	3,2	2,6
Промышленность	39,6	21,9	22,0	20,9
Строительство	7,2	5,9	5,9	6,0
Торговля	8,0	14,2	13,3	14,3
Транспорт	6,4	15,7	14,2	13,6
Услуги	23,1	37,5	41,3	42,6

Значимость промышленности с 1 места ушла на 2, а значимость сельхозпроизводства с 3 места на последнее, 6 место. Значимость услуг со 2 места переместилась на 1, увеличившись почти в два раза, рост произошёл также по части торговли (тоже вдвое) и вдвое вырос транспорт. При этом, несмотря на деиндустриализацию, ВВП на душу населения (в долл. США) за постсоветские 25 лет вырос с 1991 по 2016 год на 519 % (если принять уровень 1990 г. за 100 %). Повышение уровня жизни способствовало росту доли старших возрастных групп среди работающих, поскольку стал постоянным фактором переток молодёжи в страны «старой Европы».

В табл. 2 показан рост числа работников старших возрастов.

Таблица 2.

Работающие по возрасту (в тыс. человек и в %) по годам

Возраст	Год Кол-во	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
15-74	Работ.	615,6	651,7	657,6	656	593,9	568	603,2	614,9	621,3	624,8	640,9	644,6	658,6
	%	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
15-24	Работ.	60,7	62,3	66,6	68,7	52,4	45	53	52,1	49,6	48	49,3	49,3	51,6
	%	9,9	9,6	10,1	10,5	8,8	7,9	8,8	8,5	8,0	7,7	7,7	7,6	7,8
25-49	Работ.	380	399,8	397,9	393,1	356	346,5	360,3	363,8	366,4	368,8	378,4	377,7	385,8
	%	61,7	61,3	60,5	59,9	59,9	61,0	59,7	59,2	59,0	59,0	59,0	58,6	58,6
50-74	Работ.	174,9	189,6	193,1	194,2	185,5	176,5	189,9	198,9	205,3	208	213,2	217,6	221,2
	%	28,4	29,1	29,4	29,6	31,2	31,1	31,5	32,3	33,0	33,3	33,3	33,8	33,6

Рост доли старших возрастов среди работающих характерный для постиндустриальной экономики (с одновременным увеличением продолжительности жизни) обуславливает дополнительную нагрузку на систему здравоохранения и социального обеспечения. Эти сектора экономики становятся базовыми наряду с образовательным сектором. Медицинские и социальные услуги, а также образование становятся существенными элементами экспорта. Всё более важную роль в экономике играют высокотехнологичные IT-услуги.

Характер постиндустриального производства существенно меняет и усложняет структуру общества (его стратификацию). Происходит расслоение среднего класса. Увеличивается разрыв между крайними децилями. В 2015 году отношение *R/P* 10 % (10 % богатейших к 10 % беднейших) в Эстонии 10,8, а в Финляндии 5,6; в Швеции – 6,2; в Чехии – 5,2 [4].

Ричард Флорида, например, при переходе к постиндустриальному обществу даже выделяет отдельный «креативный класс» [5]. Может быть и не класс, но опыт Эстонии показывает: самые высокие средние зарплаты выплачивают производственные структуры с преобладанием интеллектуального труда. Среди 200 организаций со среднемесячной зарплатой выше 3000 евро самая высокая (более 6000 евро) у нескольких фирм, связанных с разработкой программного обеспечения и совершенствованием *Skype*. Повышение медианной зарплаты в основном обеспечивается ростом зарплат высшей половины. Медианная зарплата и общее число получателей за III кв. с 2011 по 2018 гг. показана в табл. 3.

Таблица 3.

III кв. 2011 г.		III кв. 2012 г.		III кв. 2013 г.		III кв. 2014 г.		III кв. 2015 г.		III кв. 2016 г.		III кв. 2017 г.		III кв. 2018 г.	
Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.	Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.	Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.	Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.	Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.	Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.	Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.	Медиан. з/п, в €	Получат., в тыс. чел.
593	544	632	551	683	554	728	569	788	567	840	563	909	568	1000	581

Быстрый рост зарплаты не изменил тенденции, когда четверть всех получателей выплат не превышала ежегодного размера установленного минимального её уровня. А этот уровень, как правило, являлся уровнем относительной бедности.

Оказалось, что постиндустриальная экономика не снижает, а наращивает социальное неравенство поскольку развитие системы социального обеспечения (включая хосписы для пожилых людей) требует значительного роста малоквалифицированного труда. Как и рост системы общественного питания, гостиничного сервиса и т. п. Такова общеевропейская тенденция. По данным Евростата риску бедности подвержено за 2018 год по Евросоюзу около 100 млн человек. В ранее благополучном Люксембурге, например, доля получателей дохода ниже 60 % среднемедианной зарплаты и составляла 19 % от всего населения. В целом по ЕС доля относительной бедности молодёжи в 2017 составляла 11 %. В Бельгии риск нищеты в 2017 году охватил 15,3 % населения. Работающие бедные – явление новое для стран «старой Европы» и связано это с ростом числа рабочих мест неквалифицированного труда. Вместе с фигурой высококвалифицированного работника (синего воротничка) уходит массовая доля среднеобеспеченного слоя среднего класса.

Традиционный путь борьбы работающих за увеличение зарплаты не действует не только из-за слабости профсоюзов в результате атомизации труда, но и по той причине, что рост числа рабочих мест малоквалифицированного малооплачиваемого труда растёт в социальной, бюджетной сфере. Повышение оплаты такого труда требует роста налогов и без того высоких.

В Эстонии развивается системы компенсаторной поддержки малообеспеченных слоёв населения через развитие общественных фондов потребления: бесплатного общественного транспорта; реально бесплатной медицины и социального ухода; бесплатного высшего образования; социального жилья для некоторых профессий.

В очередь дня становится обеспечение жильём также за счёт общественных фондов потребления. Об этом заявил, например, Ходорковский, как о возможном программном требовании.

Список литературы

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
2. Смирнов В.А. Политические элиты в малых странах: вопросы теории – М.: РОССПЭН, 2017. – С. 70.
3. Кувалдин В.Б. ЕвроВосток. Постсоветский транзит (тезисы выступления на «круглом столе» Центра стратегических исследований МО Италии. Рим, 15 января 2007 г.) // Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-Фонд). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://gorby.ru/img.php?img=file&art_id=25500 (дата обращения: 2019.03.05).
4. Список стран по показателям неравенства доходов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_показателям_неравенства_доходов (дата обращения: 2019.03.12).
5. Флорида Р. «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» // The Rise of The Creative Class and How It's Transforming Work, Leisure, Community and Everyday Life. – Классика-XXI, 2005.

УДК 338:004

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ИТ-ИНДУСТРИИ

Сапожникова Светлана Михайловна,

к.э.н., доцент Смоленского государственного университета, г. Смоленск

АННОТАЦИЯ

В исследовании рассмотрена система экономической безопасности и роль экономической разведки в ее обеспечении. Определены направления и задачи экономической разведки в IT-индустрии. В рамках деловой разведки дана оценка состояния конкурентоспособности IT-компаний в условиях санкций. Выявлены пути по защите IT-рынка на макро- и микроуровне. Определены задачи и особенности конкурентной разведки в IT-индустрии, а также создание, в условиях санкций, устойчивого рынка потребления услуг разведывательных технологий.

Ключевые слова: экономическая разведка; деловая разведка; конкурентная разведка; стратегическая разведка; оперативная разведка, IT – бизнес, рынок потребления услуг разведывательных технологий.

THE ROLE OF ECONOMIC INTELLIGENCE AND ECONOMIC SECURITY THE IT INDUSTRY

Sapozhnikova S.M.,

PhD in Economics, associate Professor of Smolensk state University, Smolensk